

О. С. Поршнева

«Империалистическая война» в большевистской политике памяти: институциональный аспект (1920–1930-е годы)

В современной историографии активно разрабатывается проблематика памяти применительно к Первой мировой войне, стимулированная «мемориальным поворотом» в историографии и 100-летними юбилеями начала и окончания мирового конфликта. Пристальное внимание исследователей привлекает межвоенный период, в течение которого формировались культура памяти о войне и политика памяти, происходили осмысление и инструментализация опыта 1914–1918 гг. Историки изучают эту тематику как в страновом, так и в компаративном ключе, на основе выявления общего и особенного в становлении политики памяти и мемориальной традиции в державах — участниках вооруженного конфликта¹. Говоря о советском обществе межвоенного периода, историки концентрируются на анализе официального дискурса, посвященного «империалистической войне», особенностях политики памяти и культуры памяти, базовых коммеморативных практиках, роли художественной литературы и мемуаристики в формировании исторической памяти². В то же время институциональный аспект проблемы формирования политики памяти и исторической памяти о Первой мировой войне изучен еще явно недостаточно. В частности, не в полной мере раскрыты роль отдельных акторов этого процесса и их взаимодействие, механизмы подготовки

***Поршнева Ольга
Сергеевна***
д-р ист. наук,
проф., Уральский
Федеральный
университет им.
первого Президента
России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург,
Россия)

и проведения различных кампаний, посвященных мировой войне, в том числе ее «юбилеев», институализация и регламентация коммуникативной памяти.

В трактовке термина «политика памяти» мы разделяем подход А. Миллера, который использует его «для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, т. е. концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории», а историческую политику понимает как «частный случай политики памяти, для которой характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов»³.

Первая в истории тотальная война породила развитие современных методов управления населением через инструменты массовой политики и пропаганды, распространение новых представлений о взаимоотношениях государства и общества, возможностях социального инжиниринга, переделки сознания и поведения человека⁴. Тем самым она дала мощный импульс развитию политики памяти и исторической политики в XX в.

Пораженческая позиция большевиков в период войны, их потребность в удержании власти и ее легитимации, разрыв с традициями дореволюционной России — все это способствовало утверждению в Советской России ленинской концепции «захватнической с обеих сторон», несправедливой, «империалистической» войны⁵ как интерпретационной модели, применявшейся по отношению к мировой войне. Теория справедливых и несправедливых войн, разработанная Лениным, позволяла обосновать правомерность лозунга «превращения войны империалистической в войну гражданскую», борьбы с собственными правительством и буржуазией как разновидности «справедливых» войн⁶.

Активность в использовании инструментов политики памяти в большой степени определялась стремлением большевиков создать «нового человека», сформировать у людей новую идентичность. Последняя, как справедливо отмечает А. Ассман, наиболее эффективно конструируется посредством аффективного усвоения собственной истории через исторический миф⁷. Грандиозность замыслов по «переозначиванию» прошлого, масштабность задач большевистского проектирования, авторитарный характер советского режима определяли методы политики памяти. Важным обстоятельством являлось то, что носители коммуникативной памяти — участники событий недавнего прошлого — были живы и могли потенциально представить конкурирующие нарративы. Образ прошлого, предлагаемый официальным дискурсом, нередко расходился с их недавним опытом, что требовало значительных государственных и партийных усилий по подавлению «неудобных» воспоминаний, «переформатированию» памяти.

Выработкой принципов и методов такой работы занимались руководящие агитационно-пропагандистские структуры коммунистической партии и Советского государства: ЦК РКП(б) / ВКП(б), Красная армия, Народный комиссариат просвещения, Коминтерн. Формирование официального дискурса о войне происходило на основе его подчинения большевистской концепции революции, включения в нее в качестве составной части, превращения образа «империалистической войны» в доминирующий нарратив памяти.

Особую роль среди методов реализации политики памяти играли массовые празднества, важной формой которых были юбилеи. Именно в первой половине 1920-х годов подготовка к юбилеям стала сопровождаться постановлениями ЦК РКП(б), в которых не только определялись формы празднования, характер юбилейных мероприятий, но и формулировались позиции и оценки, которые должны были стать основой идейного содержания всей литературы, всех выступлений, посвященных юбилейным датам⁸. В Советской России межвоенного периода именно юбилеи стали центральными точками проявления процессов сознательного конструирования прошлого.

Агитпроп ЦК РКП(б) / ВКП(б) разрабатывал и издавал пропагандистские материалы, предназначенные к использованию в ходе массовых кампаний, приуроченных к годовщинам мировой войны и ее «юбилеям», в системе подготовки кадров и политического просвещения населения. В них, помимо готовых пропагандистских текстов, содержались фрагменты статей В. И. Ленина и других лидеров революционного движения, документы Коминтерна, статистические материалы, карикатуры, отрывки из литературных произведений антивоенного характера⁹. Идеи, заложенные в пропагандистских брошюрах, не только тиражировались в системе образования и прессе, но и доводились до сознания населения в ходе специальных кампаний на предприятиях, в клубах, избах-читальнях.

Влиятельным актором политики памяти в отношении мировой войны стала Красная армия. Ее руководство было заинтересовано в изучении опыта мировой войны в интересах подготовки страны к будущей войне, укрепления ее обороноспособности, совершенствования стратегии, тактики, вооружений. С этим было связано создание «Военно-исторической комиссии по описанию войны 1914–1918 гг.», на которую возлагалась задача изучения войны «с целью практического использования ее опыта»¹⁰. После преобразования структуры и названия Комиссии¹¹ в декабре 1918 г. ее председателем был назначен бывший генерал царской армии А. А. Свечин. Функции Комиссии, помимо сугубо практических, включали научно-академические: собирание архивных документов, написание и издание трудов по истории Первой мировой войны, выпуск журнала «Военно-исторический сборник», проведение лекций¹². Комиссия и ее глава А. А. Свечин ставили также задачу сохранения памяти о героическом самопожертвовании русской армии в сознании советского общества. Свечин писал:

Каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно отнестись к усилиям, упорству, самоотвержению и памяти тех, которые, не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину... Воинская доблесть нуждается в культе, и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы¹³.

Подобная позиция отличала руководство Красной армии от других структур профессиональным отношением к мировой войне, преемственностью дореволюционного и постреволюционного ее понимания. Несмотря на вытеснение старых военных специалистов «красными» спецами после ухода Троцкого

с поста главы Красной армии, работники Военно-исторического отделения Генерального штаба Красной армии продолжали активно изучать стратегический и тактический опыт, историю военных операций мировой войны. Поистине колоссальная работа по созданию, переводу, изданию трудов предстает из данных систематического указателя книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914–1935 годы Г.Хмелевского¹⁴. Даже с учетом того, что указатель литературы был далеко не полным, о чем писали сами составители¹⁵, он включал 1633 наименования¹⁶, в том числе изданные воспоминания представителей союзников и противников, переведенные на русский язык.

Красная армия активно взаимодействовала с другим актором политики памяти — Коминтерном, которому в 1920-х — начале 1930-х годов принадлежала ведущая роль в ее реализации. Исполком Коминтерна (далее — ИККИ) являлся аналитическим и политическим центром, предлагавшим концептуализацию войны, организовывавшим массовые коммеморации.

Коминтерн инициировал и возглавил главную юбилейную коммеморацию межвоенного периода, посвященную Первой мировой войне, — массовую кампанию «Неделя борьбы против империалистических войн», проводившуюся в 1924 г. с 27 июля по 4 августа в ознаменование 10-летия начала войны и «краха Второго Интернационала»¹⁷. «Неделя борьбы против войны» носила международный характер и по официальной версии была инициирована Коммунистической партией Германии (далее — КПГ) в Письме ее ЦК Исполкому Коминтерна от 3 июня 1924 г.¹⁸ Несмотря на то что нам не удалось найти прямых документальных свидетельств подлинного авторства данной инициативы, можно предположить, что за ней стояло Политбюро ЦК РКП(б), так как оно играло определяющую роль в подготовке и проведении V Конгресса, утвердившего проведение кампании. Из решений Политбюро видна не вся действительная роль, которую оно выполняло в подготовке и проведении Конгресса¹⁹. Новое руководство КПГ, сформированное на съезде в апреле 1924 г., возглавили ультраевые деятели А. Маслов (И. Чемеринский) и Р. Фишер. Кроме того, представители ИККИ от ЦК РКП(б) О. Куусинен, А. Лозовский, Д. Мануильский побывали на съезде и, по-видимому, подготовили появление данной инициативы²⁰.

11 июня 1924 г., по Постановлению Секретариата ИККИ от 10 июня, была создана Комиссия по подготовке «Недели борьбы против войны». Она развернула широкую пропагандистскую кампанию за рубежом, в которую были вовлечены не только коммунистические партии, но и общественные организации левого толка.

Подготовкой и организацией кампании внутри СССР руководил непосредственно ЦК РКП(б), о чем свидетельствовало секретное Циркулярное письмо от 11 июля, адресованное всем руководящим партийным органам на местах («всем Облбюро ЦК, ЦК Нацкомпартий, Обкомам и Губкомам РКП(б)»)²¹. Для проведения кампании ЦК предлагал «организовать Комиссию в составе: АПО (Агитационно-пропагандистского отдела. — О. П.) Губкома (Обкома), ГСПС (Губернского совета профессиональных союзов. — О. П.), Политоргана соответствующей красноармейской части, Губполитпросвета, Женотдела и Губкома РКСМ»²², что свидетельствовало о ее масштабности и тотальном характере,

стремлении организаторов охватить все слои и группы населения. В Письме определялись формы, даты и лозунги мероприятий. Среди их форм — массовые демонстрации 3 августа, митинги.

В дополнение к общей инструкции, содержащейся в Циркулярном письме, была разработана секретная «Инструкция о проведении кампании десятилетия империалистической войны в печати»²³. В ней, в частности, говорилось:

Вся кампания в печати должна проходить под общими лозунгами, выдвинутыми Манифестом V Конгресса Коминтерна и Циркулярным письмом ЦК РКП(б) от 11 июля 1924 г., при этом необходимо, чтобы статьи и иные материалы, проводящие лозунги борьбы против войны, были решительно освобождены от уклона в сторону голого пацифизма и толстовства, проводили революционно-классовую идею борьбы за мир на основе развития международной революции²⁴.

Документ содержал детальные рекомендации по организации пропаганды в органах печати разных форм, среди различных слоев населения, указания по тематике публикаций, их последовательности. Проведение кампании должно было сопровождаться масштабной трансляцией большевистского нарратива о мировой войне как «империалистической»²⁵.

В СССР в ходе «Недели», особенно в назначенный для демонстрации день 3 августа, проходили грандиозные манифестации, в которых участвовали до 10 тыс. чел и более. Они сопровождались театральными постановками, политсудами над виновниками войны, политиграми, карнавальными шествиями²⁶. В методических материалах к 10-летию юбилею войны для рабочих, красноармейских и школьных клубов содержались рекомендации не только принять участие в шествии, но и «придумывать более или менее оригинальные костюмы для участников шествия, например генералов, инвалидов, калек, костюмы в виде пушек, снарядов, танков». Группы артистов в ходе празднования «Недели», согласно методическим рекомендациям, должны были представлять «агит-балаганы, частушки, сценки, живые картины для исполнения на улицах»²⁷.

В Казани 3 августа 1924 г., по данным С. Ю. Малышевой, была проведена многочасовая общегородская инсценировка «Империалистическая война», посвященная 10-летию «Европейской войны», в которой приняли участие 2 тыс. актеров и 10 тыс. участников празднества²⁸. В ходе действия «проигрывались» события с кануна Первой мировой войны до Октябрьской революции, инсценировались мобилизация, обстановка в госпиталях, очереди, недовольство солдат и т. п. На улицах и площадях вновь появились городовые, офицеры в погонах, «Николай II» принимал парад войск, выступали «Керенский», «Милюков». «Это, — пишет С. Ю. Малышева, — вызвало боязливое недоумение у тех, кто оказался не в курсе событий и настоящий шок у крестьян, пришедших в то воскресенье в Казань»²⁹. В организации грандиозных летних празднеств в Казани в 1924 г. особую роль сыграли военные, самостоятельно поставившие ряд инсценировок, составившие половину членов созданного Комиссией штаба по проведению Недели³⁰. В проходившей в форме карнавала демонстрации против империалистических войн 3 августа 1924 г. в Екатеринбурге приняли

участие делегаты V Конгресса Коминтерна, члены его Исполкома: Монмуссо и Трэн — представители Франции, Цеттель — Германии, Киарини — Италии, Ляго — Бельгии³¹. Карнавализация праздничных мероприятий раннесоветского периода, как отмечают О. Ю. Никонова и Т. В. Раева, была не случайной: она не только служила поддержанию интереса, но и создавала особое эмоциональное состояние участников и публики, содействовала мифологизации событий мировой войны, закреплению символического ряда, один намек на который позволял воспроизвести целый ряд «правильных» ассоциаций с империалистической войной³².

Материалы отчета агитпропотдела политуправления Красной армии за летний период 1924 г. подтверждают активное участие и значимую роль военных в юбилейной кампании 1924 г.³³ В отчете говорится о повсеместной организации военными к 10-летию империалистической войны массовых постановок «Война — войне», подготовке выставок, посвященных 10-летию империалистической войны³⁴.

Среди направлений деятельности Коминтерна были создание и координация работы интернациональных «красных» ассоциаций бывших участников войны, противопоставлявшихся в своей повестке и методах находившимся под влиянием социал-демократов «реформистским» ассоциациям, созданным под эгидой Лиги Наций и других организаций³⁵. В Советской России 10-летний юбилей войны ознаменовался инициативой создания Общества бывших участников империалистической войны, сформулированной 27 августа 1924 г. в Письме в Президиум Коминтерна и ЦК РКП(б) инициативной группой — «Оргбюро»³⁶. Данная группа была создана на общем собрании бывших участников империалистической войны, состоявшемся 26 июля 1924 г. в клубе ОГПУ им. Дзержинского. Целью Общества объявлялось ведение «широкой агитации среди бывших участников войны, а через них и в самой гуще трудовых масс за идейное и активное противодействие возникновению новых империалистических войн»³⁷. В СССР была создана и другая организация — Общество бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий, находившихся во Франции и на Балканах³⁸. Устав Общества был утвержден Председателем СНК СССР А. И. Рыковым 13 февраля 1925 г. В числе его целей и задач обозначались «принятие мер к собиранию, сохранению, разработке и опубликованию материалов, касающихся жизни и принудительного задержания на работах бывших солдат 1[-го] и 2[-го] особых дивизионов», «увековечение в той или иной форме памяти погибших товарищей», а в числе прав — проведение съездов, совещаний, конференций, вечеров воспоминаний, организация клубов, читален, командирование членов на места и за границу для сбора материалов, относящихся к пребыванию дивизии за рубежом³⁹.

Среди ряда изданных с политическими целями воспоминаний был сборник «Октябрь за рубежом»⁴⁰, куда вошли мемуары бывших солдат, воевавших во Франции и на Балканах, активно участвовавших в революционной борьбе, преимущественно членов солдатских комитетов. Характерно, что героический дискурс, несмотря на идеологическую направленность, проявлялся и в них. Так, в предисловии от имени «Бюро Общества бывших русских солдат во Франции

и на Балканах» причины использования союзниками русских солдат за рубежом объяснялись их высокими боевыми качествами:

Русские солдаты, которые с таким успехом ломают сопротивление «бошей», с успехом врываются в Восточную Пруссию, в Галицию и накатываются на Карпаты, в то время, когда солдаты Франции, Англии и Бельгии, терпя поражение, откатываются к стенам Парижа⁴¹.

В целом, несмотря на усилия властей, тематика «трагического» героизма присутствовала, по данным К. А. Пахалюка, в воспоминаниях, вышедших в 1920–1930-е годы⁴².

В 1927 г. ЦК ВКП(б) и ИККИ поставили задачу создать объединенное «Общество бывших участников и жертв империалистической войны». Оно должно было строиться не на началах индивидуального членства, а в форме «федерации уже существующих и могущих быть созданными отдельных организаций», как то: Всероссийского производственного и потребительского объединения инвалидов (ВИКО), Общества бывших русских солдат во Франции и на Балканах, объединений инвалидов отдельных союзных республик и т. д.⁴³ Данная задача стала реализовываться в августе 1927 г., когда был разработан проект Устава Общества⁴⁴. В Уставе определялась модель коммемораций бывших участников войны на основе обязательного соединения памяти о погибших с нарративом об антивоенной революционной борьбе⁴⁵. Основной задачей Общества провозглашалось «предотвращение возникновения империалистических войн»⁴⁶. Симптоматичны классовые и политические ограничения в отношении членства в Обществе, в которое не могли войти «лишенцы» и представители нетрудовых классов⁴⁷. Вечера воспоминаний бывших участников войны проводились в дальнейшем в рамках кампаний, посвященных годовщинам «империалистической войны», Антивоенному дню 1 августа. Несмотря на жесткий контроль, локальные практики воспоминаний во время празднования «антиимпериалистического дня» 1 августа (с 1929 г.) иногда выходили за предписанные идеологические рамки, что вызывало негативную реакцию местных руководителей, под давлением которых «односторонние» (а по сути, расходившиеся с официальными) оценки блокировались, как это было, например, в Уфе⁴⁸.

Таким образом, под политический надзор была поставлена коммуникативная память бывших участников войны путем установления контроля над общественными организациями ветеранов, создаваемыми сверху, недопущения стихийных объединений ветеранов, запрета организаций, занимавших «антибольшевистские» позиции, мониторинга настроений и поведения населения. «Союзы фронтовиков» — объединения ветеранов, создававшиеся еще в период мировой войны, — были подвергнуты репрессиям и распущены из-за их участия в антибольшевистской борьбе в годы Гражданской войны⁴⁹.

Годовщины мировой войны отмечались в той или иной форме секциями Коминтерна, включая российскую, ежегодно. Например, план агитационной кампании Агитпропа ИККИ на 1925 г. включал мероприятие «Годовщина мировой войны»⁵⁰. Особенно активно, помимо «юбилейных» кампаний в год 10-летия и 15-летия войны, годовщина отмечалась в 1927 г., когда после разрыва

отношений с Великобританией в СССР наступила «военная тревога» и ИККИ выступал под лозунгом «Надо бить непрерывную тревогу о близости войны»⁵¹.

Коминтерн стал мощным пропагандистским институтом, конструировавшим негативный образ Версальского договора и основанного на нем мирного урегулирования. Антивоенский дискурс был важной составляющей политики памяти, основанной на критике реальных пороков договора и международных противоречий, порождаемых им. Акцент делался на неизбежности новой империалистической войны или мировой революции как закономерных последствий Версальского мира⁵².

Другой массовой кампанией, посвященной годовщинам «империалистической войны» и предполагавшей организацию публичных коммемораций, стал Антивоенный день 1 августа. Он был введен по решению VI Конгресса Коминтерна (1928 г.) и 10-го Пленума ИККИ (июль 1929 г.), «во исполнение постановления VI Всемирного Конгресса об организации международного дня против империалистической войны»⁵³. Во введении к методическому пособию для докладчиков и групповых агитаторов, посвященному Международному дню борьбы против империалистической войны 1 августа, авторы подчеркивали, что отнюдь «не юбилейные соображения», хоть день и совпал с 15-летием начала войны и 10-летием Версальского мира, побудили Коминтерн поставить в центре внимания вопрос о войне⁵⁴. «1 августа — не просто обычная демонстрация или антивоенный парад, не просто обычное юбилейное напоминание о 15-лети первой всемирной империалистической войны, — отмечалось в брошюре. — Международная политическая обстановка складывается так, что опасность новой войны становится самой злободневной»⁵⁵. Докладчики, как предлагалось в пособии, должны были увязать борьбу против опасности новой войны с задачами текущего момента — индустриализацией, социалистической переделкой сельского хозяйства, борьбой с внутренним врагом⁵⁶.

С введением Антивоенного дня 1 августа в 1929 г. связана милитаризация практик коммемораций, посвященных «империалистической войне», отражавшая общую тенденцию эволюции праздничной культуры на рубеже 1920–1930-х годов. Частью праздничной программы с того времени стали парады физкультурников и Осоавиахимовцев⁵⁷. В целом, подчеркивают О. Ю. Никонова и Т. В. Раева, практика проведения Международного антивоенного дня в 1930-е годы упрощается и обедняется; при этом инструментальная база воздействия на аудиторию расширяется, включает радио, звуковое кино, театр, выставки, кинопередвижки, спартакиады, позволявшие унифицировать и централизовать агитационно-пропагандистскую работу⁵⁸. В результате, как справедливо заметил А. Коэн, 1 августа стало «символом абстрактной идеи “империалистической войны”, а не знаком, отсылающим к специфическому историческому событию»⁵⁹.

Изменение общественно-политической конъюнктуры — нарастание реальной угрозы войны после прихода Гитлера к власти в Германии, попытки СССР создать систему коллективной безопасности, его вступление в Лигу Наций, крах надежд на скорую мировую революцию, — обусловили своеобразие юбилейного дискурса 1934 г. В этом дискурсе появилась пацифист-

ская риторика, он отличался многоаспектностью и неоднозначностью, более сложным взглядом писателей и публицистов на мировую войну⁶⁰.

Использование пацифистской риторики в 1930-е годы не было случайным, оно определялось установкой ЦК ВКП(б) и решениями, принятыми на VII Конгрессе Коминтерна, о необходимости единого рабочего фронта и возможности создания правительств Народного фронта для совместной борьбы с фашистской угрозой в сотрудничестве с реформистскими, социал-демократическими, религиозно-демократическими, национально-освободительными и пацифистскими организациями⁶¹.

В дискурсе 1930-х годов, посвященном «империалистической войне», как и в целом в политической лексике того периода, сосуществовали национальные и антивоенные элементы, пропагандировался «советский патриотизм» как приверженность социалистическому отечеству, готовность встать на его защиту. Это было относительно новым явлением и отражало национально-патриотический поворот в советской идеологии с середины 1930-х до 1941 г. Не случайно юбилейная литература 1930-х годов, по сравнению с предшествующим периодом, обходит вопрос об ответственности России за возникновение мировой войны, а в публикациях, приуроченных к 1 августа 1939 г., Германия уже называется ее «зачинщиком». Так, в связи с 25-летним юбилеем войны в газете «Уральский рабочий» от 1 августа 1939 г. в передовой статье, перепечатанной из «Правды» (за 31 июля 1939 г.), говорилось:

Виновниками войны являлись империалисты всех стран. А главным зачинщиком ее был германский империализм... Уроки первой империалистической войны ярко живут в памяти народов... Первая империалистическая война нанесла тяжелейший удар империализму. В надежде оправиться он затевает вторую⁶².

Корректировка концепции войны, изменения в определении ее виновников, роли России в составе Антанты были закреплены в «Кратком курсе истории ВКП(б)», вышедшем в 1938 г., где делался акцент на англо-германских противоречиях как главном факторе конфликта держав, а роль России определялась как зависимая от Англии и Франции⁶³.

Изменение пропаганды в отношении «империалистической войны» в конце 1930-х годов проявлялось и в появлении исторических деталей в ходе коммемораций 1 августа⁶⁴. Так, в 1939 г. статья Д. Заславского «Героизм русского солдата» в газете «Красная звезда» прославляла героизм, стойкость и мужество простых солдат в мировой войне. В статье говорилось: «Советская военно-историческая литература о мировой войне изобилует фактами героизма русских солдат... Русский солдат завоевал для себя новую славу во время империалистической войны»⁶⁵. Приводились конкретные примеры солдатской доблести, решительности, смелости, повлиявшие на исход тех или иных сражений; констатировалось, что русская армия не была разбита и побеждена в 1917 г., а добровольно вышла из войны⁶⁶.

Таким образом, политика памяти в отношении Первой мировой войны, проводившаяся различными акторами большевистского государства, была

нацелена на его укрепление и подготовку населения к новой войне. Важнейшей целью социальной мобилизации, осуществлявшейся большевиками, стала легитимация советского режима посредством переформатирования исторического сознания и исторической памяти населения. Без обоснования правомерности пораженчества большевиков в войне, внедрения концепта «империалистической войны» в массовое сознание такая легитимация была невозможна. Апеллируя к негативному окопному опыту солдат и разочарованию значительных слоев населения в войне в ее последний период, используя методы массовой пропаганды, политического контроля и репрессий, большевики продвигали концепт «империалистической войны» в сознание общества, конструировали его коллективную память, вытесняли и подавляли альтернативные нарративы. Осуществлялся надзор партийных и государственных органов над коммуникативной памятью ветеранов.

Опыт мировой войны, несмотря на интернационалистский акцент в пропаганде и включение нарратива о войне в меганарратив о революции, тщательно изучался и осмысливался военными специалистами и политической элитой. Как и в Европе, в СССР официальный дискурс о войне и государственные коммеморации были детерминированы доминирующей идеологией. Однако специфика Советского государства состояла в том, что оно стремилось преодолеть сохранявшуюся стихийность массового сознания, целенаправленно и активно формируя культурную память, не допуская в эту сферу конкурентов. Восприятие Великой войны было межвоенной конструкцией как в Советской России, так и за рубежом — это, как ничто другое, придает политике памяти и исторической памяти о Первой мировой войне в России общеевропейское измерение.

¹ См., напр.: *Winter J.*: 1) *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, 1996; 2) *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven; London, 2006; *Cohen A. J.* Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62, no. 1. P. 69–86; *Petrone K.* *The Great War in Russian Memory*. Bloomington; Indianapolis, 2011; *Сенявская Е. С.* Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // *Вестник МГИМО-Университета*. 2009. № 2. С. 31–37; *Колоницкий Б. И.* Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // *Звезда*. 2014. № 11. С. 199–216.

² См., напр.: *Petrone K.* *The Great War in Russian Memory*; *Никонова О. Ю., Раева Т. В.* Первая мировая война в праздничной коммеморации раннесоветской эпохи // *Проблемы истории российского социума: труды межвуз. науч.-практ. конф. преподавателей вузов, ученых и специалистов*. Челябинск, 2011. С. 4–23; *Нагорная О. С.* Плен Первой мировой войны в советской художественной литературе: конфликт и консенсус индивидуальных переживаний // *Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: сб. статей*. М., 2014. С. 127–140; *Ульянова С. Б.* Память об «империалистической войне» в советском обществе в 1920-е гг. // *Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918*. М., 2014. С. 675–680; и др.

³ Националистическая платформа или либеральные версии истории? Историографические развилки последних десятилетий в версии Алексея Миллера. URL: <http://gefter.ru/archive/author/miller> (дата обращения: 27.06.2018).

⁴ См. об этом: *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // *Россия и Первая мировая война.* СПб., 1999. С. 83–101.

⁵ *Ленин В. И.* Социализм и война // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1973. С. 307–350.

⁶ *Ленин В. И.* Прощальное письмо к швейцарским рабочим // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1974. С. 91.

⁷ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. С. 39.

⁸ См. об этом: *Алексеева Г. Д.* Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // *Россия в XX в.: судьбы исторической науки.* М., 1996. С. 53.

⁹ См. об этом: *Десятилетие мировой войны (материалы для агитаторов).* М., 1924; *Десятилетие мировой войны: сб. статей / под ред. М. Охитовича; предисл. К. Радека.* М., 1925; *Заговор против мира: как была развязана империалистами война в 1914 г.: факты и документы / [сб. составлен под руководством И. Ерухимовича при участии А. Ерусалимского, Л. Вольнского, Ф. Котовича].* М., 1934; и др.

¹⁰ См. об этом: *Тархова Н. С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // *Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 7–8 сентября 2004 г.* М., 2006. С. 27.

¹¹ Она стала именоваться Комиссией по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (Там же. С. 28).

¹² *Свечин А. А.* Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. // *Военно-исторический сборник.* Вып. 1. М., 1919. С. 4–6; *Тархова Н. С.* Как создавалась история Первой мировой войны... С. 28–36.

¹³ *Свечин А. А.* Труды Комиссии... С. 6.

¹⁴ *Хмелевский Г.* Мировая империалистическая война 1914–1918 гг.: систематический указатель книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914–1935 гг. М., 1936.

¹⁵ Там же. С. 3–4.

¹⁶ Без произведений В. И. Ленина и работ, трактующих его труды.

¹⁷ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63.

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 30. Д. 63. Л. 1.

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: документы / сост. Г. М. Адибеков, Ж. Г. Адибекова, Л. А. Роговая, К. К. Шириня. М., 2004. С. 257.

²⁰ Там же. С. 252.

²¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 65.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ См. об этом: *Малышева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. С. 79; *Ульянова С. Б.* Кампания против «империалистических войн» в 1924 г.: задачи, проведение, результаты // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.* 2015. № 1. С. 41–44.

²⁷ Цит. по: *Никонова О. Ю., Раева Т. В.* Первая мировая война в праздничной коммеморации... С. 15.

²⁸ *Малышева С. Ю.* Советская праздничная культура... С. 123.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 79.

³¹ *Уральский рабочий.* 1924. 5 авг.

³² *Никонова О. Ю., Раева Т. В.* Первая мировая война в праздничной коммеморации... С. 15.

- ³³ РГВА. Ф.9. Оп.13. Д.375. Л.89–90.
- ³⁴ Там же. Л.90–90 об.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф.495. Оп.30. Д.281. Л.63–68.
- ³⁶ Там же. Д.83. Л.4.
- ³⁷ Там же. Л.4 об.
- ³⁸ Там же. Д.281. Л.1–2.
- ³⁹ Там же. Л.125–125 об.
- ⁴⁰ Октябрь за рубежом: сб. воспоминаний / предисл. М. Н. Покровского. М., 1924.
- ⁴¹ Там же. С.8–9.
- ⁴² *Пахалюк К. А.* Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: сто лет / под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. СПб., 2014. С.206–236; *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. P.169–182.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф.495. Оп.30. Д.401. Л.194.
- ⁴⁴ Там же. Д.404. Л.24–36.
- ⁴⁵ Там же. Л.25.
- ⁴⁶ Там же. Л.27–28.
- ⁴⁷ Там же. Л.25.
- ⁴⁸ См. об этом: *Никонова О. Ю.* Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010. С.97.
- ⁴⁹ Союзы фронтовиков — объединения солдат, офицеров, демобилизовавшихся с фронтов Первой мировой войны, преимущественно из рабочих и крестьян, участвовали в антибольшевистских восстаниях, в ряде случаев инициировали их. См. об этом: *Дмитриев П. Н.* Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. №1 (18). С.5–23.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф.495. Оп.30. Д.63. Л.77.
- ⁵¹ Там же. Д.383а. Л.64.
- ⁵² Там же. Д.192. Л.14.
- ⁵³ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания Конгрессов Коминтерна и Пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С.908.
- ⁵⁴ 1-е августа — международный красный день борьбы против империалистической войны: методическое пособие для докладчиков и групповых агитаторов. М.; Л., 1929. С.3.
- ⁵⁵ Там же. С.4.
- ⁵⁶ Там же. С.53–58.
- ⁵⁷ См. об этом: *Никонова О. Ю., Раева Т. В.* Первая мировая война в праздничной коммеморации... С.19.
- ⁵⁸ Там же. С.20.
- ⁵⁹ *Cohen A. J.* Oh, That! Myth, Memory, and World War I... P.80.
- ⁶⁰ См. об этом: *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. P.181, 235.
- ⁶¹ О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Резолюция по докладу т. Тольятти, принятая VII Конгрессом Коминтерна 20 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизм и войны: сб. документов. М., 1975. С.386–387.
- ⁶² Уральский рабочий. 1939. 1 авг. С.2.
- ⁶³ История коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М., 1938. С.155.
- ⁶⁴ См. об этом: *Cohen A. J.* Oh, That! Myth, Memory, and World War I... P.82.
- ⁶⁵ Красная звезда. 1939. 1 авг.
- ⁶⁶ Там же.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2019 г.

Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Поршнева О. С. «Империалистическая война» в большевистской политике памяти: институциональный аспект (1920–1930-е годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 153–167. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.110>
УДК 94(47).084.3

Аннотация: Статья посвящена анализу институционального аспекта процесса формирования политики памяти и исторической памяти о Первой мировой войне в Советской России / СССР 1920–1930-х годов. Характеризуются факторы, определявшие особую роль политики памяти в становлении и функционировании Советского государства, значение «переформатирования» памяти о Первой мировой войне в реализации задач создания нового общества и человека, подготовки к новой войне с «империалистическими» державами. Раскрывается роль наиболее влиятельных акторов политики памяти, сыгравших решающую роль в утверждении концепта «империалистической войны» в массовом сознании советского общества рассматриваемого периода: ЦК РКП(б) / ВКП(б), его Отдела агитации и пропаганды, Красной армии, Коминтерна. Показаны специфика и содержание деятельности Красной армии и Коминтерна как акторов политики памяти, их взаимодействие в период подготовки и проведения массовых политических кампаний, посвященных годовщинам войны и ее «юбилеям». На основе изучения архивных материалов Агитпропа ЦК РКП(б) / ВКП(б), Агитпропотдела Политуправления Красной армии, Отдела Агитпропа Коминтерна и других документов реконструирован механизм подготовки массовых коммемораций, посвященных «империалистической войне», их формы и черты. Раскрывается особая роль «юбилейных» кампаний в продвижении концепта «империалистической войны», вовлечении масс в публичные праздничные коммеморации, их приобщении к ритуалам и практикам, символизирующим большевистский дискурс о войне. Показана деятельность государственных структур, связанная с созданием объединений ветеранов мировой войны, институализацией и идеологизацией их коммеморативных практик, вытеснением альтернативных нарративов памяти. Характеризуются эволюция политики памяти, корректировка концепции войны и изменения в использовании ее образа в пропаганде середины — конца 1930-х годов.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, Первая мировая война, империалистическая война, Советская Россия, Союз Советских Социалистических Республик, межвоенный период, юбилей, коммеморация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053). «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях».

Сведения об авторе: Поршнева О. С. — д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); o.s.porshneva@urfu.ru

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

FOR CITATION

Porshneva O.S. “Imperialist War” in the Bolshevik Memory Policy: the Institutional Aspect (1920–1930)’, *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 153–167.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.110>

Abstract: The article explores the institutional aspect of the politics of memory of World War I in Soviet Russia/ USSR in the 1920s and 1930s. The author characterizes the factors playing a special role in the politics of memory and the importance of ‘reformatting memory’ about the war. The role of the most influential actors in the politics of memory, which played a decisive role in the adoption of the concept of “imperialist war” in mass consciousness of early Soviet society, is revealed. These major actors were the Central Committee of the RCP(b)/CPSU(b), the Red Army, and the Comintern. The specificity of activities of the Red Army and Comintern and their interaction in managing mass political campaigns on anniversaries of the war is discussed. The organizational mechanism of

mass commemorations devoted to the “imperialist war” was reconstructed on the basis of archival materials of the Agitprop Central Committee of the RCP(b)/CPSU(b), the Agitpropotdel of the Political Administration of the Red Army, and the Agitprop Comintern Department. The special role of “anniversary” campaigns in promoting the concept of “imperialist war,” involving the masses in public commemorations, is explored. The author analyzes the activity of state structures in creating the Associations of World War veterans, the institutionalization and ideologization of their commemorative practices, and displacement of alternative memory narratives. The article characterizes the evolution of the politics of memory and the adjustment of the concept and change in the use of the image of war in propaganda of the mid-late 1930s.

Keywords: memory policy, historical memory, World War I, imperialist war, Soviet Russia, Union of Soviet Socialist Republics, interwar period, anniversary, commemoration.

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00053 “Politics of memory vs historical memory: Napoleonic Wars and the First World War anniversaries”).

Author: Porshneva O. S. — Dr. Sci. in History, Professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); o.s.porshneva@urfu.ru

Ural Federal University, 19, ul. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russia

References:

- Alekseeva G. D. ‘Historical science in Russia after the victory of the October Revolution’, *Rossiiia v XX veke: sud’by istoricheskoi nauki*, ed. A. N. Sakharov (Moscow, 1996). (In Russian)
- Assmann A. A Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics (Moscow, 2014). (Rus. Ed.)
- Cohen A. J. ‘Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union’, *Slavic Review* 62, no. 1 (Spring 2003).
- Dmitriev P. N. ‘Organization of former military personnel on the eve of the Izhevsk-Votkinsk uprising’, *Idnakar: metody istoriko-kul’turnoi rekonstruktsii*, no. 1 (18), 2014. (In Russian)
- Education of patriots: Osoaviakhim and military training of the population in the Ural province (1927–1941)* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Holquist P. ‘Total mobilization and public policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context’, *Rossiiia i Pervaia mirovaia voina* (St. Petersburg, 1999). (In Russian)
- Khmelevskii G. *World imperialist war of 1914–1918. A systematic index of book and article military-historical literature for 1914–1935* (Moscow, 1936). (In Russian)
- Kolonitskii B. I. ‘The First World War: Culture of the Epoch and Social Memory’, *Zvezda*, no. 11, 2014. (In Russian)
- Malysheva S. Yu. *Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927)* (Kazan, 2005). (In Russian)
- Nagornaya O. S. ‘Captivity of the First World War in Soviet fiction: conflict and consensus of individual experiences’, *Bol’shaia voina Rossii: sotsial’nyi poriadok, publchnaia kommunikatsiia i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetkoi epokh* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Nikonova O., Raeva T. ‘The First World War in the festive commemoration of the early Soviet era’? *Problemy istorii rossiiskogo sotsiuzma*, ed. O. S. Nagornaya (Chelyabinsk, 2011). (In Russian)
- Pakhalyuk K. A. ‘Reflection of the heroism of Russian soldiers and officers of the First World War in the memoirs of the Soviet period’, *Velikaia voina: sto let* (Moscow — St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Petrone K. *The Great War in Russian Memory* (Bloomington and Indianapolis, 2011).
- Politburo of the Central Committee of the RCP (b) — VKP (b) and the Comintern. 1919–1943: documents*, Comp. G. M. Adibekov, J. G. Adibekova, L. A. Rogovaya, K. K. Shirin (Moscow, 2004). (In Russian)
- Seniavskaia E. S. ‘Historical memory of the First World War: features of formation in Russia and in the West’, *Vestnik MGIMO*, no. 2, 2009. (In Russian)
- Tarkhova N. S. ‘How the history of the First World War was created (On the activities of the Commission for the Study and Use of the Experience of the War of 1914–1918)’, *Posledniaia voina Rossiiskoi imperii. Rossiiia, mir nakanune, v khode i posle Pervoi mirovoi voiny po dokumentam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Uliyanova S. B. ‘The memory of the “imperialist war” in Soviet society in the 1920s’, *Rossiiia v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918* (Moscow, 2014). (In Russian)

Ul'ianova S. B. Campaign against the "imperialist wars" in 1924: tasks, conduct, results', *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, no. 1, 2015. (In Russian)

Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History* (Cambridge, 1996).

Winter J. *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century* (New Haven & London, 2006).

Received: June 27, 2019

Accepted: November 14, 2019